

Т.Г. Хришкевич

Газета как отражение настроений крестьянства в период НЭПа (по материалам Северо-Запада России)

В 20-е гг. одной из важнейших задач развивающейся страны явилось культурное преобразование деревни и в первую очередь проблема ликвидации неграмотности. Причем особенно острой она оставалась в деревне.

Огромную роль в борьбе с малограмотностью сыграли крестьянские газеты, выпускавшиеся как центральными издательствами, так и местными. «Беднота», «Московская деревня» - являлись наиболее популярными изданиями в сельской местности. Согласно анкетам крестьян - слушателей школ-передвижек, в Северо-Западном регионе деревенские жители выписывали и просматривали в избе-читальне, кроме упомянутых, «Ленинградскую правду», «Крестьянскую газету», «Комсомольскую правду», а также «Псковский пахарь» и «Псковский набат» (в Псковской губернии).¹ Причем возрастной разброс читателей составлял от 14 до 70 лет.

Однако приобщение к периодической печати шло тяжело. Дело было даже не в том, что у крестьян еще не сформировалась потребность в чтении, но и в том, что газета плохо доходила в деревню. «Усиление продвижения газеты в деревню» было одним из главных вопросов, который обсуждался на заседании бюро губернских исполкомов. В частности, в Ленинградской губернии в 1925 г. расчет строился на одну газету для пяти крестьянских хозяйств.² Понимание важности газет прослеживается и в специальных изданиях. «Листок просвещенца» в 1925 г. отмечал: «Газета для всякого, особенно для взрослого имеет громадное значение. Она дает богатый материал для переподготовки, она доступнее книги, так как имеется в большом количестве, надо

только собирать и хранить ее так же, как и книгу.»³

Газеты решали многие сугубо крестьянские проблемы. Например, «Псковский пахарь» устраивал ежегодные вещевые лотереи с целью заинтересовать крестьян в подписке. Таким образом, у выписавших «Пахарь», появлялась возможность выиграть «молотилку нового устройства; сепаратор, плуги железные, бороны, косы, топоры, серпы, ведра. А для молодежи - часы, материю на костюм, а также портреты Ленина и бюсты вождя революции.»⁴

При крайне неудовлетворительном состоянии книжных фондов деревенских библиотек и изб-читален, газета подчас являлась единственным окном в мир. Поскольку в сельских ликпунктах преобладала литература, утратившая актуальность (в основном брошюры времен Гражданской войны, статьи о Деникине и Врангеле), перед периодическими изданиями вставала задача восполнить пробелы. В начальные годы нэпа сельское население, испытывавшее серьезные экономические трудности, весьма равнодушно взирало на избы-читальни и ликпункты и в целом слабо тянулось к грамоте. Однако на протяжении 20-х гг. увеличивается среднее число грамотных, а следовательно и число подписчиков и читателей.

Способствовала этому активная пропаганда, развернутая советской властью. В помощь агитаторам издаются «Листовки о политпросвещении», требующие «проводить популяризацию сельскохозяйственных знаний и знаний вообще», поскольку избы-читальни, клубы и Дома просвещения зачастую «предоставлены сами себе и ведут работу, которая весьма далека от коммунистического просвещения».⁵ Распространяются «Материалы для массовой работы в Красном уголке»⁶, а также организуются Дни печати в волостях под лозунгом «Кни-

Хришкевич Татьяна Георгиевна - аспирантка кафедры отечественной истории Псковского педагогического университета им. С.М. Кирова

га и газета - в деревню» с докладами «Ленин и печать», «Печать – коллективный организатор» и, для привлечения крестьянских масс, - увеселительные мероприятия (живая газета, выступления рабкоров с чтением стихов).⁷

Результатом успехов в деле просвещения становится оценка самих крестьян. Письма в «Крестьянскую газету» содержали свидетельства культурных улучшений на селе. Читатели писали о строительстве школ, изб-читален, об интересе к газетам. Шло элементарное просвещение, но вместе с ним росло и ощущение собственной неграмотности и темноты, а также понимание сложностей политико-экономической ситуации. Если в 1924 г. об этом упоминалось в 7,5% писем, то в 1926 – 9,6%, а в 1928 – в 12,3%.⁸ С ростом знаний приходило понимание их ограниченности и недостаточности. Указывая на темноту («я темный крестьянин», «пишу вам из медвежьего угла», «лежа на темной печи думаю»), авторы писем не обходили стороной и причины такого положения: «деревня политически развивается, но все просвещение, больницы, театры попрежнему только в центре, обидно», «средств тратят много, а неграмотность все та же».⁹

Следствием роста грамотности явилось возрастание интереса к работе библиотек и красных уголков. В газетах все чаще появляются жалобы на недостаточное количество требуемой литературы. Итогом становятся регулярные публикации рекламных списков новых книг, поступающих в продажу и в библиотеки. В основном это специальная сельскохозяйственная литература, но есть и издания для досуга и семейного чтения. Вот, например, список, вышедший в свет в 1925 г.: Крестьянин *П.Ярков*. Как получить высокие урожаи ржи. Цена 6 коп.; *П.Орешкин*. Заповеди животновода. Цена 8 коп.; Проф. *У.Ф.Лискун*. Корова на дворе, вода на столе. Цена 15 коп.; Крестьянский театр. Цена 5 коп.; Бич деревни. Сифилис и как с ним бороться: Быль в стихах. Цена 20 коп.¹⁰

Однако лишь немногим более половины книг и брошюр, изданных с 1921 по 1926 гг.

стоимостью в 151 млн. руб., было распродано.¹¹ Не лучше дело обстояло и с газетами. Советская власть не жалела денег, печатая газеты для крестьян, но, когда они все-таки попадали с опозданием в крестьянские руки, они, случалось, шли не на дело просвещения, а на самокрутки. Так, в Жуковской волости Псковского уезда газеты, по свидетельствам крестьян, кипами накапливались в волполитпросвете, и «никто не смел их получать, так как заведующий установил, что выдача производится только тем лицам, кому он лично разрешит и в его присутствии. А газеты стареют и идут только на «козьи ножки».¹² Характерен отклик учителя Псковской губернии: «Псковский пахарь» мы пока получали случайно, бывало, что целый месяц ее не выдывали. Интерес к газете очень большой, так что даже не удовлетворить всех желающих».¹³

Когда же периодические издания приходили на места, они не всегда были интересным чтением. Крестьяне не всегда были готовы воспринимать многочисленные новые слова и аббревиатуры: Совнарком, НЭП, ВИК... Новая политическая терминология также сбивала с толку: демократия, диалектика, материализм, империализм, социализм, пролетариат... Непонимание новояза доводило до курьезов. Так, например, в д. Гнилицы Порховской волости и уезда Псковской губернии крестьянка, обращаясь в сельсовет по вопросу о сельскохозяйственном налоге, получила совет обратиться в ВИК, а «просительница, не зная, что такое ВИК, пошла и купила себе вику (клеверу) и пришла в сельсовет за дальнейшими указаниями».¹⁴

И тем не менее к середине 20-х гг. крестьяне говорили: «Мы заразились, как чешоткой, чтением газет. Как вечер, так нас и тянет на огонек – читать газету, потолковать о том, что в этой газете написано».¹⁵ Сельских жителей интересовало все: вопросы политики, культуры, экономики. Начались беседы, возникали споры. Газета стала неотъемлемой частью жизни, связью с миром, возможностью, порой единственной, высказаться, чтобы быть услышанным, решить накопившиеся вопросы.

Листая подшивки газет 20-х гг., можно увидеть, что интересовало крестьян, что возмущало. Их настроения легко угадываются по заметкам, появлявшимся наиболее часто. Так, например, «Псковский пахарь» регулярно печатал отчеты о крестьянских конференциях, проходивших в Псковской губернии; публиковался спектр проблем: «...у нас коровы часто болеют, а ветеринар за 15-20 верст, его не всегда можно достать, не всегда и захватишь», «не хватает двух школ в сельсовете, до ближайшей 6-10 верст», «налог нынче уменьшен, но надо указать недостаток в законе по налогу, нужно оценить землю; теперь при землеустройстве в селениях получили на едока по десятине и по полторы один, а другой по две-три десятины, доходность с десятины земли в первом хозяйстве больше, чем во втором, а налог приходится платить второму хозяйству в два-три раза больше первого.»¹⁶

Тема налогов и «ножниц цен» занимала в откликах весьма заметное место. Для крестьян точкой отсчета стало довоенное время. Постоянно упоминалось, что необходимо снизить стоимость сукна, ситца, сапог, сельхозмашин и пр. «хотя бы до довоенного уровня». Причем читатели напрямую связывали эту проблему с практикой разорительного для крестьянского хозяйства налогообложения. Колебания в эти годы общей валовой суммы единого сельхозналога и даже ее снижение в действительности практически не сказывались на повышении благосостояния крестьянского хозяйства. Причина была точно подмечена читателями «Крестьянской газеты»: «Нас всегда советское правительство ублаживает, что налог небольшой... Ну какое ж для себя хитрое советское правительство! Сразу на хлеб цена совершенно осела. Вот, изволь радоваться. С тебя 20 или 25 рублей. Хлеб-то по 40 коп. все равно будешь возить пока. Не станет у тебя хлеба, а тогда еще наступят на горло: давай налог».¹⁷

Земельный вопрос более всего затрагивал крестьян, поэтому нередко можно встретить жалобы на непродуманность организации крестьянского кредита и ра-

боту сельхозбанка («долгосрочные ссуды – 50% наличными и 50% - крестьянскими паями, такой способ тяжеловат для крестьянства»)¹⁸.

Непростым было положение в лесном хозяйстве. Местные газеты неоднократно публиковали заметки о расхищении леса и возмущении крестьян лесниками и объездчиками. Так, только за декабрь 1924 г. в «Псковском пахаре» пять раз упоминаются случаи «злостного хищения леса» в различных волостях Псковского уезда. Например, в д. Гниловец «в запасном фонде имеется 29 десятин леса, который истребляется гражданами бесцельно и как кому вздумается. По предложению прокурора гублесотделом было проведено дознание».¹⁹ Следует отметить, что в летнее время случаи хищения леса заметно уменьшались.

Одним из серьезных поводов для недовольства крестьян являлись недочеты и прямые злоупотребления в кооперации. Газеты отражают нарекания на местное кооперативное движение на протяжении всех 20-х гг. Только с января 1925 г. по май 1926 г. заметки о растратах в кооперации Псковской губернии публиковались в газете «Псковский пахарь» в 22 номерах, причем в каждом упоминалось несколько кооперативных обществ различных волостей и уездов.²⁰

Отражали газеты и сложности вовлечения в активную жизнь крестьянок. Основным препятствием были консервативно настроенные мужья и необходимость постоянной женской работы по дому, уход за большим количеством детей. Кроме того, существовали предрассудки, а также слухи, распускаемые по деревням. Специально для того, чтобы освободить молодых матерей от работы, создавались ясли для детей младше трех лет. Однако, как пишет газета, «женщины не хотели нести детей, так как боялись, что за это будут брать высокую плату или не отдадут детей вовсе.»²¹

Нередкими являлись заметки о пьянстве в деревне. Вот несколько заголовков: «Пьянство - огромное зло», «С пьянством надо бороться всеми средствами, а главным образом газетой, книжкой и беседой», «Де-

ревня Городовик – первая деревня по самогону» (Городовецкая волость, Порховского уезда, Псковской губернии). Статьи селькоров, бичующие пьянство, встречаются повсеместно: «Поголовное пьянство в деревне Замары, Пушкинской волости, Опочецкого уезда – следствие работы самогонного завода», «Объездчик Карамышевского лесничества Ленкевич пьяным приставал к женщинам» и пр.²²

Веяния времени требовали публикации статей, отражающих классовую сторону взаимоотношений в крестьянской среде, но исследование газет «Беднота», «Крестьянская жизнь» и некоторых местных изданий, например «Псковский набат» и «Псковский пахарь», показывают, что подобных писем было немного. В первой половине 20-х гг. они представляли собой, как правило, нарекания на неправильное деление земли и обложение налогами. В 1925 г. автор обзора крестьянских писем в газету «Беднота» сетовал на то, что «классовая борьба в новых формах, в условиях новой экономической политики, слабо пока отражена в крестьянских письмах. О наемном труде, о новом кулаке, об обходе закона при аренде земель, о «собираании земли к рукам» – еще почти не пишут.»²³ Вопрос об отношениях между зажиточными слоями и беднотой остро встал в печати в 1928-1929 гг., но и тогда он был спровоцирован политикой государства.

В письмах, опубликованных в самое последнее время, присутствует понимание крестьянами того, что деление на кулаков, середняков и бедняков не выражает общекрестьянских интересов, не способствует их единению, а вносит только раскол. Один из корреспондентов писал: «Коммунисты натравили крестьян на купцов и помещиков, на попов и архиереев и вообще на весь образованный класс; крестьянин слушался и помогал им во всем, пока не понял, наконец, что крестьянина стравливают с крестьянином, грызутся они как собаки в деревне, разделяясь на группы: кулаки, середняки, бедняки, давая одним поблажку, других угнетая разными налогами». Другой корреспондент с сожалением пишет, что «нас

несчастных крестьян разделили на три класса ... делят на бедняков, середняков и кулаков», третий корреспондент спрашивал: «Почему сделали разделение между нами? Тот партийный, то батрак, то кулак, середняк и бедняк. По моему мнению, без расслоения не могут существовать власти».²⁴ Эта же мысль присутствует в другом письме, автор которого спрашивал: «...неужели государство заинтересовано в том, чтоб у нас существовали три класса?» И полагал, что государство делает это в силу того, что «больше любит бедняка», и снова спрашивал: «...что б получилось, если бы все были бедняками? Вот взяли бы уничтожили свое хозяйство и баста, чем тогда государство поддерживалось – бедняками, которые сейчас лежат на печи и плюют в потолок, потому что государство дает ему кредит, чего тогда ему не быть бедняком? А я зажиточный всегда работаю, днем ли, ночью нет мне покоя, беспокоюсь уплатить государственные налоги, вообще стараюсь быть государственным любимцем, а оно наоборот, за то, что я богатый, лишает меня права, ибо я опасный элемент».²⁵

Источником информации о настроениях крестьянства могут служить не только письма и газетные заметки сельских корреспондентов, но и сведения о самих селькорах. 18 декабря 1924 г. «Псковский пахарь» опубликовал заметку о селькоре, который скрывает свою фамилию и боится рассказывать в деревне, чем он занимается. «Селькорам «Пахаря», - говорит он, - надо скрывать свою фамилию от соседей, опасаясь преследования. Крестьяне на некоторых селькоров смотрят как на сыщиков прежних времен.»²⁶ Отсюда зачастую под статьями стоят подписи: «Делегат», «Местный», «Старый», «Проезжий», «Федька Ядовитый» или просто буквы «К-рь», «Ж».

В середине 1920-х гг. по всему Союзу буквально прокатилась волна убийств селькоров. Исследованием этого явления занялся Государственный институт по изучению преступности и преступника. Мотивами убийств являлись, как правило, разоблачения селькорами злоупотреблений органов власти, засилье кулаков, хулиганства и

пьянства, самогоноварения, порубки леса.²⁷ Газеты публиковали подобные факты, присланные с мест. Социальный состав селькоров был разнообразен – бедняки, середняки, служащие, учителя. «Псковский пахарь» не остался в стороне: в январе 1925 г. появилась заметка об убийстве селькора Корецкого.²⁸ Деятельность селькоров давала ощутимые результаты: в мае 1926 г. в той же газете публикуется график «Что сделано по письмам селькоров. Осуждено 666 человек. Отстранено от работы 168 человек. Наложены взыскания на 444 человека. Привлечено к выговору 22 человека.»²⁹

Не оставляли вниманием газетные публикации и проблемы юношества. Органом крестьянской молодежи являлся «Юный пахарь» (Псковская губерния). Освещал он в основном деятельность пионерских отрядов, проблемы школ, изб-читален, борьбу с религией и пр., а кроме того, призывал не ругаться матом, не пить, заниматься физкультурой.

Прослеживается в печати и неоднозначное отношение к священнослужителям. Как правило, это заметки в духе времени, следующие декрету Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Встречаются нарекания на попов, что много берут за требы, за духовные беседы, за учебу детей, а сами жалуются, что мало получают, да еще занимаются ростовщичеством.³⁰ Хотя в целом население стояло за сохранение культа и продолжение преподавания в школах «закона божьего», тем не менее антирелигиозные фельетоны и стихи пользовались популярностью. Так, в 1925 г. «Псковский пахарь» на протяжении нескольких номеров публиковал «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна» (Демьяна Бедного).

При анализе настроений крестьянства на основании периодических изданий не следует забывать, что они являлись официальными органами печати и, вероятно, не могут говорить об истинных настроениях в отношении всех аспектов советской власти, хотя в годы нэпа существовали относительная свобода печати и плюрализм мнений. Подлинную картину отношений насе-

ления к происходящему в стране отражают секретные сводки ОГПУ и отчеты местных органов власти. Письма, дающие истинную оценку, часто оседали в редакциях, не находя выхода на страницах газет. Тональность этих писем свидетельствовала, что с каждым годом в крестьянском мировоззрении происходили медленные и постепенные изменения в сторону пересмотра прежних оценок центрального правительства и в целом советской власти. В 1926 г. впервые критика и отрицательные характеристики центральной власти возобладали над письмами в ее поддержку с одобрениями ее политики. Анализ почты в «Крестьянскую газету» показал, что в 28% случаев читатели высказывали недовольство советской властью и в 23% сообщали о своей поддержке ее.³¹ То же соотношение, в котором негативные взгляды преобладали, наблюдалось и в оценках деятельности Компартии.

Позитивное восприятие крестьянами советской власти выливалось в приветствия и поздравления в адрес старых большевиков в связи с очередной годовщиной революции. Но подобные славословия все больше тонули в ходе совершенно иных писем, тематика которых варьировалась от конструктивной критики до откровенной хулы и ругани советской власти. Авторов сложно соотносить по социальному составу, относительно того, кто был более беспощаден в своих высказываниях. Недовольство охватывало все слои деревни.

Однако у читателей еще не умерла надежда на то, что дискриминация крестьян происходит от плохой информированности центра, а не от его злого умысла. Во всяком случае именно желанием прояснить ситуацию и было продиктовано написание многих писем в редакцию, но в целом судя по письмам, этот самообман крестьянства о хорошей советской власти и плохих исполнителях ее воли на местах рассеивался довольно стремительно.

Видя, что материалы газеты не всегда соответствуют жизни, крестьяне пытались с помощью писем ликвидировать это противоречие, сообщая о сельских реалиях.

Стремление добиться от редакции большей объективности газеты сопровождалось надеждами на изменения к лучшему в жизни самой деревни. В правдивости отражения действительности крестьяне видели залог успеха позитивных преобразований, подлинного выполнения лозунга «лицом к деревне». Письма крестьян свидетельствуют о кризисе доверия к власти, который рельефно проявился, в частности, в том, что крестьяне просто избегали участия в общественной жизни, памятуя о невозможности повлиять на политику властей.

Газеты во многом сглаживали острые углы, лакировали события, однако в общем настроении сельских жителей оставались лояльными к советской власти, и периоди-

ческая печать подтверждала это: «Я был угнетенный раб графа Шереметьева, а теперь читаю газету как вольный гражданин»; «А видел ли мужик в царское время у себя газету, через которую любой крестьянин может говорить с Михаилом Ивановичем Калининым. А ну-ка, до революции, попробуй-ка поговорить с царем! Ну-ка, пожалуйся на урядника, на станового, на губернатора! И думать не смей! А теперь что? Против власти высказываются, – и власть, мол, не права, и то и другое неладно, власть все выслушивает».³² Выражением нового отношения к общественной жизни стало развитие селькоровского движения и организация деревенских стенных газет в середине 20-х гг.

Примечания

1. ГАНИПО, ф.9, оп.1, д.822.; Листок просвещенца . 1924 г. №2. С. 9.
2. ЦГАИПД СПб, ф.16, оп.1, д.156, л.131.
3. Листок просвещенца. 1925 г. №2. С.28.
4. Псковский пахарь. 1925. №29.
5. ЦГАИПД СПб., ф.16, оп.1, д.60, л.31.
6. ЦГА СПб., ф.1000, оп.11, д.285, л.49.
7. ЦГАИПД СПб., ф. 16, оп.1, д.153, л.92 .
8. *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина 20-х гг.: Современные мифы и исторические реалии. // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С.193.
9. Там же. С.194.
10. Псковский пахарь. 1925. №26.
11. *Холмс Лэрри Ю.* Социальная история России. 1917 –1941. Ростов-на-Дону, 1994. С.61.
12. Псковский набат. 1921. 29 сентября.
13. Листок просвещенца. 1925. №1. С.25.
14. ЦГАИПД СПб., ф.9, оп.1, д.1059, л.9.
15. ГАПО, ф.324, оп.1, д.214, л.170.
16. Псковский пахарь.1925.№27.
17. *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина... С.195.
18. Псковский пахарь. 1924. №44.
19. Псковский пахарь. 1924. №45.
20. Псковский пахарь. 1925. №№1 – 4, 6, 10, 11, 23. 26, 28, 35, 40, 44, 45; 1926. №№ 1,3,5,8,10,11,17,18.
21. Псковский пахарь. 1925. №26.
22. Псковский пахарь. 1924.№44.
23. *Мельников В.И.* Историческая судьба крестьянства и мелкотоварного производства. Полемика и дискуссии периода НЭПа. (1921-конец 20-х гг.). Н. Новгород, 1999. С.150.
24. «Проклятья крестьян падут на вашу голову...»: Секретный обзор крестьянских писем в газету «Правда» в 1928-1930 гг. // Новый мир. 1993. №4.С.173, 176.
25. Неизвестная Россия. XXв. Кн.3. М., 1993. С.214.
26. Псковский пахарь. 1924. 18 декабря.
27. *Литвак К.Б.* Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х гг. // История СССР. 1991. №3. С.133.
28. Псковский пахарь. 1925. №1.
29. Псковский пахарь. 1926. №18.
30. Псковский набат. 1921. 23 сентября.
31. *Литвак К.Б.* Жизнь крестьянина ... С.194
32. *Козлов В.А.* Культурная революция и крестьянство. 1921-1925. М., 1983. С.129.